

**«ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ»
В ИДИЛЛИИ И ОДЕ И.А. КРЫЛОВА:
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ И МИРОВОСПРИЯТИЕ**

Дарья А. Завельская

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Россия*

Ключевые слова: Крылов, ода, идиллия, природа, стиль, образ, человек, Рай, философия, религия

Аннотация. В статье проанализированы философские и религиозные произведения И.А. Крылова, в которых прослеживается мотив «отпадения» человека от природы как утраты райского блаженства. На протяжении раннего этапа своего творчества поэт искал различные подходы к этой экзистенциальной проблеме, воплощая свою мысль в образах природы и цивилизации. Эти образы несут отпечаток стилистики двух различных жанров русского классицизма: оды (высокий стиль) и идиллии (средний стиль). Стилистический и жанровый анализ позволяет выявить отношение Крылова к миру в целом и месту человека в нем. Идиллические элементы соответствуют представлению об изначальной невинности. Высокая стилистика оды проявляется двояко: в грозных пророческих обличениях и торжественных славословиях. Торжественное восхваление природы созвучно воспеванию Творца в переложениях псалмов – традиционном жанре русского классицизма. На основе данных параллелей можно предположить развитие философских исканий поэта от неприятия цивилизации к органическому воссоединению человека с бытием через творческое начало.

“RETURN TO PARADISE” IN I.A. KRYLOV'S IDYLL AND ODE: AN ARTISTIC MODEL AND A WORLDVIEW

Darya A. Zavel'skaya

*Moscow state university of design and technology named after A.N. Kosygin
Moscow, Russia*

Keywords: Krylov, ode, idyll, nature, style, image, man, Paradise, philosophy, religion

Summary. The article is devoted to the analysis of the philosophical and religious works of I.A. Krylov, in which there is a motive of man's “falling away” from nature as a loss of heavenly bliss. At the early stage of his creative work, the poet was looking for various approaches to reflect this existential problem, embodying his thought in images of nature and civilization. These images bear the imprint of the stylistics of two different genres of Russian classicism: odes (high style) and idyll (middle style). Stylistic and genre analysis makes it possible to reveal Krylov's attitude to the world as a whole and to a person's place in it. Idyllic elements are associated with the notion of primordial innocence. The high style of the ode manifests itself in two ways: in threatening prophetic denunciations and solemn praises. The solemn praise of nature is in tune with the chanting of the Creator in the Psalm arrangements – the traditional genre of Russian classicism. Based on these parallels, we can assume the development of the poet's philosophical search from rejection of civilization to the organic reunion of man with being through the creative principle.

Знаменитого русского поэта И.А. Крылова преимущественно воспринимают как баснописца. Известно, что его басни произвели большое впечатление на И.И. Дмитриева. Однако свой творческий путь Крылов начал задолго до этой встречи.

Более того – в поэзии Крылова представлены не только басни, но практически все жанры, характерные для русского классицизма, включая оду и идиллию. Особый научный интерес может представлять исследование поэтики духовных од Крылова, в которых он следовал традиции «преложения» псалмов. В русской литературе конца XVIII в. эта традиция не только была уже устоявшейся, но и породила жанровое многообразие произведений, включавших помимо переложений как таковых стихотворения оригинального характера, воплощающие картину мира как щедрого, изобильного,

непостижимого Божьего творения (Алексеева, 2005: 9). При этом во многих русских духовных одах можно предполагать влияние базовой модели псалма.

Таковы знаменитые «размышления о Божием величестве» М.В. Ломоносова, державинские «Бог» и «Величество Божие». Важнейшей художественной особенностью русской духовной оды были образы природы, в которых воплотились изначальные благо и красота, присущие бытию. В едином культурном поле с одой развивался и «средний» жанр – идиллический, ведущий происхождение от буколической поэзии. И если духовным одам в большей степени было присуще величественное изображение масштабных природных явлений, то идиллическая природа – «малая», мирная, трепетная. Однако уже начиная с Ломоносова русские поэты комбинировали жанровую стилистику идиллии и оды, в сочетании смыслов достигая более углубленного художественного воплощения целостной мысли. Таков, например, жанр «панегирической идиллии» у Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Кострова. Этому жанру посвящена целая глава в фундаментальном труде И. Клейна (Клейн, 2005:154–167).

В первой своей опубликованной оде «Утро» (1789) Крылов живописует картину идиллического характера, более того, на лоне природы разворачиваются эротические сценки. В. Проскурина в статье «Крылов и Екатерина II (Стихотворение “Умирающая кокетка” в контексте русского либертинажа)» называет это произведение «странной одой» (Проскурина, 2000: 117) и находит в противопоставлении молодости и увядшей красоты скрытый сатирический мотив, обличение императрицы (Проскурина, 2000 :118).

Но помимо такого гипотетического подтекста «странность» произведения обнаруживается в жанровом аспекте. Насколько обоснованно молодой поэт называет произведение одой? О панегирической идиллии в данном случае речь идти не может. Следует обратить внимание на целостную художественную и смысловую структуру «Утра»: это категорическое противопоставление радостного мира природы миру «цивилизованного» зла. И даже первой картине, помимо легкой игривости и идиллической умиротворенности, присущи элементы «высокого штиля»:

Заря торжественной десницей
Снимает с неба темный кров
И сыплет бисер с багряницей
Пред освятителем миров (Крылов, 1789: 136).

Но еще отчетливей он заметен в картине людских страстей:

Се путь, изрытый пропастями,
Усеян множеством цветов,
Куда, влекомые страстями,
Под игом роскоши оков,
Идут несчастны человеки
Вкусить отрав приятных реки... (Крылов, 1789: 141).

Для классицизма высокий стиль был очень важным, ключевым способом воплощения высокого смысла (Алексеева, 2005: 31, 168). По мнению В. Нечаевой, в своей одической поэзии Крылов был ближе к Ломоносову, нежели к Державину (Нечаева, 1931: 687). И если Державин уже смело экспериментировал с основами жанра и стиля, то Крылов, по всей видимости, чутко воспроизводил основные принципы, обоснованные Ломоносовым (Ломоносов, 1784: 3–4, 19). И в произведении «Утро» высокий стиль отчетливо демонстрирует некую вселенскую первооснову происходящего – отпадение людей от первичного прекрасного блага, которое трактуется как дар:

Есть круг веселия для вас:
Забавы, пастыри, выводит
Вам каждый день и каждый час (Крылов, 1789: 138).

В этом контексте «забавы» можно трактовать именно как причастность к истинной сущности жизни, в отличие от «мнимых» способов существования.

Такую оппозицию можно было бы причислить к руссоизму, тем более что тенденция французского просветительства была довольно близка журналу «Утренние часы», с которым Крылов начал сотрудничать еще в 1788 г. и где в 1789 г. впервые опубликовал «Утро», (Рак, 1980: 84–85, 89–90). Однако в работах А.М. и М.А. Гординых и М.В. Строганова совершенно справедливо продемонстрирован скептицизм Крылова в отношении философии Руссо (Гордин А., Гордин М., 1981: 2; Строганов, 1996: 276–278). Особенно заметен он станет потом – в «Письме о пользе желаний» и «Послании о пользе страстей». Однако и в этих произведениях, и в «Уединении», и в «Отъезде из деревни» можно увидеть то же стремление, какое обнаружено в «Утре», – к постижению некоего благого онтологического истока, который человек упускает, однако способен себе вернуть.

Этот исток присутствует в бытии как та изначальная данность, которая наделяет любовные утехы пастушков на лоне природы светлым «безгрешным» ореолом, противопоставленным «страстям» – нарушению общего естественного закона. Таким образом, «высокий штиль» «Утра» вполне объясним: в этой оде звучит некое высшее откровение.

Для лучшего понимания поэтики Крылова следует также обратить внимание на упомянутые ранее переложения псалмов. В них каждый раз художественным воплощением истока бытия становится система предметных образов, преимущественно природных. Многие из этих образов были, по сути, поэтической вольностью, которую жанр переложения допускал. Вопрос этот представляет отдельный исследовательский интерес. Разумеется, как всякий перевод, переложение псалмов предполагает некое отступление от смысла оригинального текста ради поэтической формы. Однако сам выбор в пользу тех или иных смысловых вариантов может свидетельствовать о мировоззрении переводчика, прояснить ценностные смыслы.

И вот в «Подражании 37 псалму», опубликованном в 1796 г. в карамзинском альманахе «Аонида», Крылов добавляет от себя не только некоторые отсутствующие мотивы, но целую картину, утверждающую благость Бога:

Творец! Внемли мое моление
И гласу сердца Ты внемли:
Хотя ничтожное творенье,
Я прах, не видный на земли;
Но что есть мало, что презренно,
Тобою, Боже, сотворенно?
Прекрасен звездный Твой чертог;
Ты в солнцах, Ты во громах чуден, –
Но где Ты чудесами скуден? –
Ты и в пылинке тот же Бог! (Крылов, 1796: 40).

Можно было бы объяснить этот фрагмент заимствованием у Державина, с которым Крылов состоял в близком знакомстве (Оленина, 1982: 141). Действительно, в оде «Бог» Державин объединяет образы пылинок и звезд (Державин 1864: 197). Однако и сам Державин опирался в духовных одах на образную систему псалмов, и более того – мы можем предположить, что ключевая модель взаимодействия личности с Творцом через восприятие природы изначально заложена в псалмах.

Крылов не только переносит эту модель из других текстов данного жанра в покаянный 37 псалом, но и придерживается ее во многих своих произведениях, включающих картины природы. Так в оде «Уединение» Крылов приближается к Псалтири самым мотивом песнопения:

Иль Бога моего пою
Под дубом, миру равнолетным.

Пою – и с именем Творца
Я зрю восторг в растенье диком;
При имени его великом
Я в хладных камнях зрю сердца;
<...>
Велик мой Бог, велик – он свят!
На лире перст мой ударяет.
Он свят! – поют со мной леса,
Он свят! – вещают небеса,
Он свят! – гром в тучах повторяет (Крылов, 1847: 74–75).

И в этом произведении, созданном предположительно в 1790-х гг., почти так же, как в оде «Утро», поэт противопоставляет сельской невинной природе, воплощаемой в очень сходном ряде образов, «порочную» жизнь городов. Но теперь это противопоставление человеческого «ада» – первичному Божьему творению, а природные картины идиллического характера проявляют одические черты более интенсивно, чем в «Утре».

Если же мы обратимся к самому генезису жанра идиллии, то увидим на одном из ранних этапов, в творчестве Феокрита, мотив религиозный – обращение к Музам и Пану, а в развитии римской буколической поэзии – знаменитый образ преображенного бытия IV эклоги Вергилия, который именно благодаря этому произведению считался в христианстве прорицателем прихода Спасителя.

Это в любом случае основание для того, чтобы идиллическую поэзию христианской эпохи тесно связывать с представлениями о Возвращенном Рае. В гораздо меньшей степени сказанное относится к идиллиям любовного, тем более – эротического характера. При этом заметные идиллические черты можно обнаружить в церковных проповедях, посвященных праздникам. Такова, например, картина природы в «Слове на Вторую неделю по Пасхе» Кирилла Туровского.

Традиция воплощения такой смысловой связи – весьма важный исследовательский вопрос. И творчество Крылова подтверждает

генетическую закреплённость в литературе системы радостных, красивых, изобильных природных образов как выражения изначальной благодати мира, данного человеку. Природа напоминает о прекрасной первозданности, предназначенности для счастья, которое люди утрачивают, уклоняясь от благого закона.

И этот закон – далеко не только в слиянии с природой. Ода «Уединение» по сравнению с «Утром» обнаруживает и более заостренный социально-этический смысловой пласт:

Вдали – и шумный мир исчез,
Исчезло с миром преступленье;
Вдали – и здесь, в уединенье (Крылов, 1847: 72).

И обличает поэт уже не страсти, а «пороки», которые приносят зло другим людям. Сам же он пребывает среди природы неповинным ни в чьих страданиях:

Здесь сам веселья я беру
Из рук роскошныя природы.

Быв близки к сердцу моему,
Они мое блаженство множат;
Ни в ком спокойства не тревожат
И слез не стоят никому (Крылов, 1847: 74).

Так яснее с Божественным замыслом о бытии и человеке сопрягается этика. И вопросы социальные подчиняются этическим ценностям, а не наоборот. Благо, заложенное в природе как в творении, диктует высший закон любви и милости, а отступление от милосердия – и есть отклонение от сути бытия. А человеку дано видеть это благо через красоту, приближаясь к утраченному Раю, – здесь стоит отметить эпитет природы «роскошная».

И примерно в тот же самый период Крылов создает произведения, откровенно полемичные руссоизму, о чем сказано ранее. «Желания» и «страсти» он больше не считает враждебными человеку – они в самой его сущности, они не противоречат природе.

«Послание о пользе страстей» было опубликовано, в отличие от «Письма о пользе желаний», еще при жизни поэта в журнале «Драматический вестник» (1808). Это тем более удивительно, что произведение можно воспринять как очень рискованное в цензурном отношении.

Почто, мой друг, кричишь ты так на страсти
И ставишь их виной всех наших зол?
Поверь, что нам не сделают напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный стол.
Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови.
Журят весь мир, кладут посты на всех,
Бранят вино, улыбку ставят в грех
И бунт хотят поднять против любви (Крылов, 1808: 138).

Это вступление можно воспринять как отповедь христианским аскетическим воззрениям, однако далее воззрения «мудрецов» приобретают более отчетливые руссоистские очертания:

А все-таки золотят этот век,
Когда труды природы даром брали,
Когда ее вещам цены не знали,
Когда, как скот, так пасся человек.
Поверь же мне, поверь, мой друг лобезный,
Что наш золотой, а тот был век железный,
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить (Крылов, 1808: 141).

Однако и к «антирусоизму» произведение свести невозможно, поскольку главной оппозицией становятся «философский» ум и «страсти», на сей раз включающие иной смысловой конструкт. Скорее, на современном языке их можно интерпретировать как «стремления», при этом не противоречащие «природе», а обращающие к ней:

На что ж так мир богат и разнообразен?
И для того ль везде природа льет
Обилие, чтоб только делать вред? –
Величеству ее сей суд обиден.
Поверь, мой друг, весь этот мудрый шум
Между людей с досады сделал ум.
И если б мы ему дались на волю,
Терпели бы с зверями равну долю;
Не смели бы возвесть на небо взор,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубоких нор (Крылов, 1808: 139).

Тем интереснее сопоставить «Послание» с одой «Блаженство», где прослеживается сходное отношение к материальному миру:

Или его всемогущий Бог,
Который мир из благ составил,
В его лишь сердце зло оставил? (Крылов, 1847: 95).

Более того – и в «Блаженстве» Крылов рассуждает о Природе:

Но где ж блаженство обитает,
Когда его в природе нет?
<...>
Очисти смертный разум твой,
Взгляни — твой рай перед тобой,
Тебя одна лишь гордость мучит;
Природа быть счастливым учит.

<...>
Умей ценить природы дар
И, не взлетая, как Икар,
Познай вещей ты совершенство –
И ты себе найдешь блаженство (Крылов, 1847: 96).

При этом в «Блаженстве» можно обнаружить и художественную модель, и воплощенную природными образами мировоззренческую концепцию, близкие оде «Утро», начиная с картины ранней зари:

Зефир с раkitников пушистых
Аврорин бисер осыпал;
На озере в зыбях струистых
Всходящий солнца луч играл.
<...>
Проснувшись, ручеек играет
В янтарных гладких берегах:
То пену в жемчуг рассыпает
На золотых своих кудрях
И гордо по кремешкам льется,
Иль между роз украдкой вьется,
Им на ушко любовь журчит;
То, закатясь в лесок, молчит
И под столетним дубом дремлет,
Иль соловьиным песням внемлет (Крылов, 1847: 92).

И заканчивая обличением человеческих пороков:

Но он дары их презирует

И мощною своей рукой
Земли утробу раздирает,
Во ад спускается живой,
Геенну дерзостью смущает
И нагло тамо похищает
У фурий корень страшных бед –
Пороки в золоте несет... (Крылов, 1847: 94).

Здесь в изображении картин природы заметно преобладание нежной, трепетной идиллической стилистики, тогда как высокой стилистикой наделены образы «адского» существования человека в его непомерной гордыне.

И здесь, как в «Утре» и «Уединении», человек отторгнут от природы как от утраченного Рая. Однако изображен скорее страдающим, чем испорченным:

Никто от счастья не далек.
Один лишь только человек,
Гордись свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы.
<...>

Среди богатств – он нищ и беден,
Средь пользы – ядовит и вреден.
Он тем не сыт в алчбе своей,
Чего довольно твари всей (Крылов, 1847: 93).

В таком контексте понятие «страсти» приобретают более религиозный смысловой оттенок, а оппозиция «Рай – Ад» выстраивается в размышлении о гордыне и недовольстве:

Природа рай ему готовит –
Он в нем ужасный ад ставит (Крылов, 1847: 94).

Но только спасение от «ада» поэт видит не в отречении от бытия и не в стремлении к «инобытию».

Одним из весьма важных и трудных для разрешения вопросов становится порядок создания этих произведений Крылова. Сейчас не представляется возможным уточнить его на основании имеющихся текстологических исследований. Встает вопрос: прослеживается ли развитие мысли поэта от «Блаженства» к «Посланию о пользе страстей», или это – варианты отношения Крылова к восстановлению целостного мировосприятия, которые он осмысливал для себя и

стремился художественно воплотить примерно в одно и то же время? Однако мы не можем исключить возможность того, что «Послание» написано позже «Блаженства». В последнем случае, гипотетически, на более позднем этапе поэт оспаривал пагубность не только человеческих стремлений, но и активной «цивилизующей» деятельности:

И нужды, в них роями разродясь,
Со прихотью умножили их связь;
Солдату стал во брани нужен кесарь,
Больному врач, скупому добрый слесарь.
Страсть к роскоши связала крепче мир.
С востока к нам – шелк, яхонты, рубины,
С полудня шлют сыры, закуски, вины,
Сибирь дает меха, агат, порфир... (Крылов, 1808: 142).

И как будто происходит гармонизация предметного мира с миром природы в этой деятельности, по сути столь же творческой:

Среди морей явились корабли;
Среди полей – богатыри-полканы;
Там башни вдруг, как будто великаны,
Встряхнулись и встали из земли... (Крылов, 1808: 140–141).

Здесь высокий стиль одического происхождения звучит уже не грозно, а торжественно. Разумеется, на основании стилистики сложно построить предположение о пути мысли Крылова от расколотости бытия человека к цельности его существования. И все же нельзя упускать созвучности образа и стиля, значимой для Крылова.

По мнению исследователей, «...едва ли не центральной чертой крыловской природы было соединение в одном человеке достаточно высоких духовных стремлений и сугубо трезвого, практического подхода к жизни, понимания того, что все системы и теории ничего не стоят, если их нельзя испытать на себе. И эксперимент, проделанный Крыловым в имении Татищева, был для него не чем иным, как способом расстаться с одним из самых существенных представлений Просвещения – представлением о возможности освободить естественную, неиспорченную природу человека из-под коры цивилизации» (Гордин А., Гордин М., 1981: 21).

Впрочем, стоит заметить, что в «Оде, выбранной из псалма 71-го», не опубликованной при жизни Крылова, но созданной примерно в те

же годы, что и «Послание», мы обнаружим торжественно звучащую симфонию природы и человеческих деяний:

Как напояет землю дождь
И проникает мягку волну,
Так сей ко счастью кроткий вождь
Пролет в сердца отраду полну. –
И не затмит его лучей
Вся толща туч, весь мрак ночей.

К нему народы потекут,
Как в океан пространны реки;
Цари различны дань дадут;
Он возродит златые веки, –
И где конец земле, морям,
Предел его державе там.

Как неисчерпаем океан,
Его сокровища узрятя;
Среди его цветущих стран
Довольство с миром водворяется... (Крылов, 1847: 59 – 60).

Тем ценнее здесь упоминание «Златых веков», перекликающееся с «Посланием»: возрождает их именно благая творческая деятельность, а не отказ от нее. В любом случае такая перекличка свидетельствует если не об определенном итоге в мировоззрении Крылова, то о значимом для него стремлении к восприятию человека в единстве с прекрасным и творческим бытием.

Таким образом, благодаря исследованию стилистических особенностей и целостных художественных моделей мы можем выдвинуть гипотезу о специфической эволюции философских воззрений И.А. Крылова – постепенного отказа от противопоставления человеческой деятельности природе и осознания бытийной целостности через творческое начало, заложенное в человеке. Такое предположение может быть учтено при последующей интерпретации его произведений.

Источники

- Державин, Г.Р. (1864). *Сочинения*. Т. 3. Санкт-Петербург: Изд. Императорской Академии наук.
- Крылов, И.А. (1796). *Подражание 37 псалму*. В Карамзин, Н.М. (Ред.) *Аониды*. Ч. I. 36-40.
- Крылов, И.А. (1847). *Полное собрание сочинений*. Т. II. Санкт-Петербург: Юнгермейстер.
- Крылов, И.А. (1808). Послание о пользе страстей. В *Драматический вестник*. Ч. V (прибавление). 138-144.
- Крылов, И.А. (1789). *Утро*. В *Утренние часы*. Вып. IV. 136–141.

Литература

- Алексеева, Н.Ю. (2005). *Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII вв.* Санкт-Петербург: Наука.
- Гордин, А.М., Гордин, М.А. (1982). *Крылов: реальность и легенда*. В Гордин, А.М., Гордин, М.А. (Ред.) *И.А. Крылов в воспоминаниях современников*. Москва: Художественная литература. 23-27.
- Клейн, И. (2005). *Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII века*. Москва: Языки славянских культур.
- Ломоносов, М.В. (1784). *Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений*. Ч. 1. СПб.: Изд. Императорской академии наук.
- Нечаева, В. (1931). *Крылов И.А.* В Фриче, В.М. (Ред.) *Литературная энциклопедия: В 11 т.* Т. 5. Москва: Изд-во Коммунистической Академии. 686-695.
- Оленина, В.А. (1982). *Из «Записных книжек»*. В Вацуро, В.Э. (Ред.) *И.А. Крылов в воспоминаниях современников*. Москва: Художественная литература. 139-142.
- Проскурина, В. (2000). *Крылов и Екатерина II (Стихотворение «Умирающая кокетка» в контексте русского либертинажа)*. В *Новое литературное обозрение*. № 45. 104-121.
- Рак, В.Д. (1980). *Переводческая деятельность И.Д. Рахманинова и журнал «Утренние часы»* В Алексеев, М.П. (Ред.). *Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы*. Ленинград: Наука. 83–126.
- Строганов, М.В. (1996). *Крылов и Руссо (Человек в философских схемах и реальной жизни)* В Кочеткова, Н.Д. (Ред.). *XVIII век*. Вып. 20. 274-280.

References

- Alekseeva, N.Yu. (2005). *Russkaya oda. Razvitie odicheskoy formy v XVII–XVIII vv. [Russian ode. Development of the odic form in the XVII – XVIII centuries]*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russian.)

- Gordin Arkadii M., Gordin, Mikhail A. (1982). *Krylov: real'nost' i legenda [Krylov: reality and legend]*. In Gordin, A.M., Gordin, M.A. (Compls.) *I. A. Krylov v vospominaniiaakh sovremennikov [I.A. Krylov in the memoirs of contemporaries]*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 23-27. (In Russian.)
- Klein, I. (2005). *Puti kul'turnogo importa: trudy po russkoi literature XVIII veka [Ways of cultural import: Works on Russian literature of the 18th century]*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian.)
- Lomonosov, M.V. (1784). *Polnoe sobranie sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova, s priobshcheniem zhizni sochinitelia i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvoreni [The complete works of Mikhail Lomonosov, with the introduction of the life of the writer and with the addition of many of his works not yet published anywhere]*. Part 1. Sankt-Peterburg: Izd. Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian.)
- Nechaeva, V. (1931). *Krylov I. A.* In Friche, V.M. (Ed.) *Literaturnaia entsiklopediia [Literary encyclopedia]*. Vol. 5. Moscow: Izd-vo Kommunisticheskoi Akademii. 686-695. (In Russian.)
- Olenina, V.A. (1982). *Iz «Zapisnykh knizhek» [From the notebooks]*. In Vatsuro, V.E. (Ed.). *I.A. Krylov v vospominaniiaakh sovremennikov [I.A. Krylov in the memoirs of contemporaries]*. Moskva: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian.)
- Proskurina, V. (2000). *Krylov i Ekaterina II (Stikhotvorenie «Umiraiushchaia koketka» v kontekste russkogo libertinazha) [Krylov and Catherine II (The Poem “The Dying coquette” in the context of Russian libertinage)]*. In *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary observer]*. No. 45. 104-121. (In Russian.)
- Rak, V.D. (1980). *Perevodcheskaia deiatel'nost' I.D. Rakhmaninova i zhurnal «Utrennie chasy» [I. D. Rachmaninoff's translation activities and the magazine “Morning hours”]*. In Alekseev, M.P. (Ed.). *Russkaia kul'tura XVIII veka i zapadnoevropeiskie literatury [Russian culture of the XVIII century and Western European literature]*. Leningrad: Nauka. 83-126. (In Russian.)
- Stroganov, M.V. (1996). *Krylov i Russo (Chelovek v filosofskikh skhemakh i real'noi zhizni) [Krylov and Rousseau (A man in philosophical schemes and real life)]*. In Kochetkova, N.D. (Ed.). *XVIII vek [XVIII century]*. Vol. 20. 274-280. (In Russian.)